

УДК 94(47).084

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-303-322

СТОЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ФОКУСЕ АНТИРОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б

^а Московский государственный областной университет
Москва, Россия, vardanb@mail.ru

^б Российский университет дружбы народов
Москва, Россия, s-r44@yandex.ru

Статья посвящена анализу антироссийского исторического нарратива, фокусируемого на событийной канве 1917 г. Предложена авторская методика деконструкции антироссийской исторической пропаганды. Выявляются идеологические основы и политический контекст освящения событий 1917 г. в России. Непосредственному критическому анализу подвергнуто пять наиболее распространяемых в общественном сознании исторических идеологем. Показаны когнитивные и политические последствия принятия соответствующих идеологем.

Ключевые слова: Революция, пропаганда, методология, антироссийские мифы, идеологемы, история, 1917 г.

Введение. В наступившем 2017 г. ожидается широкая историческая, переходящая в политическую, дискуссия вокруг революционных событий 1917 г. в России. Уже ломаются копия между сторонниками различных общественно-политических групп, выводящих свое преемство от сил, боровшихся друг с другом во время Революции и Гражданской войны.

Контекст информационно-психологической войны, осуществляемой против России, включающей в качестве одной из важнейших составляющих антироссийскую историческую пропаганду, заставляет предположить, что в связи со столетием Революции будет проводиться активное тиражирование соотносимых с ней антироссийских исторических идеологем. Преломляемые исторически к 1917 г. советофобские выводы экстраполируются и на последующую развертку отечественной истории. Многие из применяемых к событиям столетней давности идеологем адресно используются и сегодня в рамках кампании дезавуирования современного российского политического режима. Деконструкция антироссийской исторической пропаганды в применении к

1917 г. имеет, таким образом, принципиальное значение и в качестве противодействия современной россиефобии.

Исследование проблемы. Одним из значимых факторов распада СССР было дезавуирование советской истории. Критическая кампания в СМИ была начата в 1987 г. и приурочивалась к 70-летию Октябрьской революции. Вначале в фокусе критики оказывался сталинизм и брежневизм, затем – весь советский период истории и, наконец, всей России. Следствием такой критики оказалось распространение представлений о нелегитимности СССР как «преступного», по своей сущности, государства [1]. Подсказываемым выводом из исторической делегитимизации СССР являлась его самоликвидация. Технология делегитимизации государства через дезавуирование истории применяется и в отношении Российской Федерации. Негативизация истории России напрямую сопряжена, таким образом, с вопросами обеспечения государственной безопасности.

Традиционно для обозначения антироссийской пропаганды в преломлении к прошлому используются понятия «фальсификация» или «мифологизация» истории [2]. Такие обозначения уводят в действительности в сторону от существа методологии и методики формирования этой пропаганды и, соответственно, когнитивно блокируют возможности практического противостояния ей. Дело состоит не в том, что фальсифируются факты. Как правило, прецедент фальсификации и невозможно доказать. Историк отбирает значимые с его точки зрения факты и интерпретирует их, исходя из собственных методологических и ценностных представлений. Невозможность доказательства преднамеренного искажения исторической правды обусловило неэффективность и, как следствие, закрытие просуществовавшей три года Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹.

Понятие «мифологизация истории», раскрываемое как ее искажение, преднамеренная неправда, эквивалентна фальсификации, а потому содержит и все соответствующие ограничители в возможности вынесения вердикта об идентификации мифотворчества. Если же под мифом понимать особый художественно-образный тип познания и информации, то необходимо заметить, что хотя мифологизация и используется как прием негативизирующей пропаганды, но далеко ее не исчерпывает [3].

В пропаганде важны не сами факты, а их встраивание в те или иные исторические концепции (концептуализация). Концепции, в свою очередь, встраиваются в соответствующие идеологии (идеологизация). Идеологические матрицы существуют априори, задавая направленность исторического поиска. Антироссийская историческая пропаганда методологически реализуется через встраивание фактов прошлого (исторического нарратива) в идеологическую

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. 20.05. 2009.

матрицу россиефобии. Для противостояния этой пропаганде анализа фактов оказывается, таким образом, принципиально недостаточно. Необходимо проведение деконструкции исторического нарратива, помимо уровня эмпирического, также на уровнях концептуализации и идеологизации (парадигм).

В соответствии с этими установками предлагается методика анализа антироссийской исторической пропаганды в отношении к историческому нарративу революций 1917 г. Выдвигаемые интерпретации реконструируются через призму системообразующей для них идеологической матрицы. Применительно к рассматриваемой проблематике антироссийской исторической пропаганды реконструируется матрица советофобии как составного звена россиефобии. Дезавуирование советского периода истории не может не включать негативизации ее исходной точки, каковой являлась Октябрьская революция. Вторая составляющая используемой методики деконструкции исторической пропаганды заключается в выявлении оснований политического интереса. Как правило, такой интерес в преломлении к важнейшим событиям истории России имеет и геополитическое выражение. Политическая ангажированность не всегда, впрочем, означает прямое обслуживание политических субъектов, а именно принятие этими субъектами политически выражаемой идеологической матрицы.

Идеологема № 1: Об украденной Октябрем свободе

Один из наиболее распространенных россиефобских стереотипов состоит в утверждении об имманентном неприятии России и русскими свободы. Исторически это представляется в виде драмы периодически подавляемых попыток либерализации. В череде такого рода попыток указываются Кондиции 1730 г., деятельность екатерининской Уложенной Комиссии, реформаторские проекты Негласного комитета и Сперанского, реформы Александра II и др. И всякий раз в этой версии «движение к свободе» подавлялось воспроизводимой автократией [4; 5].

Важное место в череде либеральных исторических проявлений отводится Февралю 1917 г. Российская элита в очередной раз рванулась к свободе. России был представлен уникальный шанс построить демократическое, гражданское общество. К власти пришли интеллектуалы-профессора. Однако шанс был утрачен [6; 7; 8, с. 141]. Октябрь лишил Россию свободы, которую ей дал Февраль. Именно в такой драматической развертке излагал, в частности, сценарное содержание 1917 г. Н.Я. Эйдельман в своей популярной в конце 1980-х – начале 1990-х годов книге «Революция сверху» [9].

К принятию идеологемы «украденной Октябрем свободы» логически подводит и поддерживаемая, к сожалению, академическим сообществом концепция единой революции 1917 г., включающей февральскую и октябрьскую фазы в единый революционный процесс. Февраль оказывается завяз-

кой сценария национальной трагедии, Октябрь – его трагической развязкой. Тезис о единой российской революции 1917 г. был закреплен и в принятом в январе 2014 г. Историко-культурном стандарте¹. Он контекстуализируется с теорией модернизации, применительно к которой Февраль открывал перед Россией модернизационную перспективу, Октябрь же выступал как контр-модернизация². Иногда по отношению к советскому периоду используется понятие «консервативная модернизация», то есть модернизация опять-таки без институтов гражданского общества [10].

Основной довод в пользу тезиса о единой революции состоит в процессуальной связности событий 1917 г. Но также процессуально связана с ними и более ранняя, и более поздняя событийная канва. История в целом разворачивается в качестве связного процесса. По этой логике в единую революцию следовало бы относить и революционные потрясения 1905–1907 гг. Более важно то, что февральская и октябрьская трансформация утверждали две различные парадигмы. Ключевые вопросы парадигмального расхождения – выбор между экономической моделью капитализма с сохранением частной собственности и социализма с обобществлением средств производства; приматом индивидуального права, с равенством возможности и коллективистски трактуемой справедливостью, с фактическим социальным равенством; интеграцией в единый объединенный вокруг западных демократий мир и выдвижением системной альтернативы буржуазному миру. Различие и даже дихотомичность февральской и октябрьской революционных парадигм и позволяют говорить не об одной, а именно двух революциях.

Показательно, что несмотря на поддержку концепта о единой революции академическим сообществом Президент в Послании Федеральному Собранию в декабре 2016 г. озвучил традиционный подход о двух революциях. То, как это было произнесено, указывает на сознательный выбор в пользу этого подхода. «Наступающий 2017 год, – заявил Президент, – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, ученых. Российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий. Это наша общая история, относиться к ней нужно с уважением»³.

Идеологема «украденной в 1917 году свободы» имеет и соответствующие политические пролонгации. 1991 г. в ассоциативном историческом ряду предстает в качестве нового Февраля. Но в очередной раз, согласно либеральной

¹ Октябрьскую и Февральскую революции объединили в Великую российскую революцию // URL: <http://www.rbc.ru/society/31/10/2013/5704120d9a794761c0ce33a7> (Дата обращения 20.12.2016).

² Была ли Октябрьская революция? // URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1653200-echo/> (Дата обращения 20.12.2016).

³ Путин заявил о необходимости честного анализа событий 1917 года // URL: <http://www.rbc.ru/society/01/12/2016/583fecc9a7947beb433155b> (Дата обращения 20.12.2016).

схеме, порыв к свободе в России был подавлен. Подавление свободы связывается уже с путинским периодом. Сценарий единой революции – «от свободы к несвободе» в версии теории модернизации проигрывается повторно по лекалам 1917 г. Либеральное доминирование в дискурсе Столетия революции безусловно будет означать и формирование через него антирежимных настроений в настоящем.

Образ утраченной свободы является в значительной мере результатом ретроспективной экстраполяции, переносом в 1917 г. вызовов и смыслов явлений более позднего времени. Основное противоречие между февралистами и большевиками определялось в действительности проблемами социальными (такими, как крестьянский вопрос или рабочий контроль на предприятиях), а не проблемами политических свобод, по которым позиции противников в значительной мере совпадали [11].

Идеологема № 2: Октябрьская революция открыла эпоху красного террора

Еще одна воспроизводимая идеологема демонизации России связана с представлением ее истории как череды кровавого массового террора. Время Ивана Грозного и Сталина предстают как реперные точки единой процессной линии подавления государством человека. Принципиальное значение в этой схеме отводится и Октябрьской революции. В теории системного анализа утверждается, что сущность системы определяется в значительной мере ее генезисным основанием. Если террор был уже развернут в Октябре, то и весь советский период оказывается задан логикой насилия. Если же, в свою очередь, современная Россия преемственна СССР, то матрица подавления человека «молохом государства» распространяется и на нее [12; 13; 14;15].

Представление о красном терроре как системообразующем признаке советской модели государственности имплементировано в настоящее время даже в школьное образование. Соответствующий взгляд на ранний советский период внедряется уже в начальной школе. Так, в рабочей тетради по «Окружающему миру» за 4 класс в разделе «В поисках справедливости» школьникам предлагается следующее изложение содержательной канвы этого периода: «Верх в борьбе одержали красные. Часть побежденных покинула родину, других победители выслали на чужбину, расстреляли, лишили свободы. Соловецкий монастырь – духовная святыня России – на десятилетия стал тюрьмой и каторгой для тысяч людей. Замечательный ученый, исследователь древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачев также был узником в лагере на Соловках. После революции и Гражданской войны изменилось лицо родной земли, уничтожалась историческая память народа: разрушали храмы, сносили памятники, переименовывали города и улицы» [16, с. 70–71].

При прочтении такого рода текста у четвероклассников не может возникнуть другого представления, что поиски справедливости (так называется раздел) как недостижимой утопии оборачиваются на практике репрессиями.

Большевики, действительно, прибегали в политической борьбе к тактике террора. Вряд ли это будет кто-то отрицать. Но террор не был их исключительной тактической линией. И не большевики в 1917 г. явились инициаторами революционных репрессий. Репрессивная политика была уже развернута ранее Временным правительством. Репрессии акцентировано обрушивались на «слуг царского режима», прежде всего чинов полиции. Уже в июле 1917 г. был введен запрет занятия бывшим жандармам, полицейским и агентам выборных должностей. Учинялись расправы над видными черносотенцами [17; 18, с. 289]. Жертвами репрессий Временного правительства едва не оказалось в июле 1917 г. руководство самих большевиков. Однако репрессий со стороны февралистов приверженцами идеологии нереализованной февральской свободы принято не замечать.

С интерпретацией Октябрьской революции как исходной точки красного террора не вьются и факты первых шагов новой власти. Арестованные во время штурма Зимнего дворца министры Временного правительства были через некоторое время отпущены по домам. По отношению к ним не только не прибегли к расстрелам, что, казалось бы, требовала логика массового террора, а даже к элементарному тюремному заключению (для сравнения: члены ГКЧП содержались под стражей почти полтора года). Второй Съезд Советов, наряду с историческими декретами, принял 26 октября 1917 г. решение о полной отмене смертной казни. Не террор, таким образом, а установка на отмену наиболее жестких форм репрессий была изначально принята на щит новой власти. Смертная казнь была законодательно восстановлена более чем через полгода – 13 июня 1918 г. Обстоятельства, практическая задача самосохранения, заставили впоследствии большевиков действовать иначе. Но это уже был ответ на возникающие вызовы, а не исходный замысел.

В Гражданскую войну к тактике террора прибегали все стороны. Нельзя было оставаться гуманистом тогда, как твои противники используют негуманистические методы, ведут борьбу на уничтожение. Не используй, очевидно, большевистское руководство тактику террора, оно само бы стало жертвой белых репрессий.

На первых порах большевики часто отпускали взятых под арест противников под честное слово, что впредь они не будут вести борьбу против советской власти. Одним из отпущенных таким образом был атаман Петр Краснов. Но «честное слово» нарушалось. Краснов и другие, оказавшись на воле, брались снова за оружие. Естественно, что в критической ситуации 1918 г. от гуманистических практик отношения к противнику большевики были вынуждены отказаться.

Идеологема № 3: Революция как «русский бунт»

Тема «русского бунта» при соответствующей акцентировке национальной специфики легко переходит в тему «русского варварства». Идеологема о варварстве русских – один из наиболее устойчиво воспроизводимых стереотипов западной мысли в отношении России. Он уже был широко распространен в Европе в эпоху Просвещения, соотносясь с триадной схемой развития человечества: дикость – варварство – цивилизация. Ведущие фигуры просветительской идеологии высказывались в отношении позиционирования русских в качестве «варваров» [19]. И эта идентификация была с определенными модификациями, характерными для контекста соответствующих исторических эпох, сохранена до настоящего времени. Образ «ватника» активно используется сегодня в антироссийской пропаганде, будучи современной модификацией той же темы русского варварства.

Матрица русского варварства была перенесена и на советский период истории. Требовалось доказать, что проект СССР не есть выражение исторического прогресса, а воспроизводство темной архаики. Применительно к Революции речь шла о дионисийской, разрушающей архаике «русского бунта» [20; 21]. Акцентировалась антикультурность революционных сил, противопоставление их интеллектуальной и творческой элите. Используются, в частности, слухи о массовом вандализме, проявленном после взятия Зимнего дворца, разграблении утвари, изнасиловании представительниц женского батальона.

Эксцессы такого рода были, как они были и во всякой революции. Их не скрывали в своих мемуарах и сами большевики [22, с. 200]. Но это были именно эксцессы, которые большевики стремились категорически пресечь. Уже через пять дней после штурма Зимнего была создана специальная Городская комиссия, которая оценивала нанесенный ущерб и фиксировала все прецеденты незаконных действий. Были зафиксированы случаи трех изнасилований. Случаев расправ над защитниками Зимнего дворца (в частности, выбрасываний из окон, о чем говорили противники) не было зафиксировано вовсе. Размер нанесенного материального ущерба оценивался суммой в 50 тысяч рублей – не столь большая величина для штурма. Часть похищенных предметов властям удалось найти у перекупщиков, у иностранцев, покидающих Россию, и вернуть во дворец. На фоне других революций Октябрьская была как раз более других ограничена культурными рамками, т.е. наименее погромной и наименее мародерской [23, с. 456–457].

Образ революционного антиинтеллектуализма традиционно в критике «советских преступлений» представляет «Философский пароход». Действительно, высылка из страны в 1922 г. группы известных мыслителей не могла не сказаться отрицательно на когнитивных потенциалах российской интеллигенции. Но может ли это само по себе служить индикатором антиинтеллектуализма советского государства? Для адекватной оценки явления его следует

сопоставлять не с нормами нашего времени, а с практикой исследуемой эпохи. Высылка из страны инакомыслящих входила в те годы в практику многих стран, включая и те, которые позиционируются в качестве демократических. К такой практике прибегали, в частности, Соединенные Штаты Америки (знаменитые «рейды Палмера»).

Значимый вклад в формирование образа советского варварства внесли, безусловно, созданные в эмигрантской среде образы «восставшего хама». Художественно ярко этот образ создавался, в частности, Иваном Бунинным («Окаянные дни»). Но аллюзии эмигрантов, обиженных и раздраженных ввиду потери своего прежнего статуса, – плохое основание для создания достоверной исторической картины. Между тем в прямом противоречии с идеологией о советском варварстве находится реальная, подтвержденная законодательными решениями, культурная политика большевиков. Как иллюстрация этой политики стало принятие в 1918 г. декретов «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В тяжелейших условиях борьбы за выживание советская власть находила, тем не менее, возможности ставить вопросы о сохранении памятников истории и культуры. Не варварство, а, как раз, наоборот, стремление дать высокую культуру, прежде ограниченную кругами элит, широким народным массам составляло суть советской культурной политики.

Вопреки распространяемой сегодня идеологией об антиинтеллектуализме большевиков сто лет назад мировая интеллектуальная элита мира с большим воодушевлением восприняла большевистский эксперимент. Многие интеллектуалы воспринимали Октябрьскую революцию как выдвигание грандиозного альтернативного эксперимента по отношению к зашедшему в тупик западному миру. Эти настроения отражает, в частности, оценка Бернарда Шоу, посетившего по прошествии четырнадцати лет после революции СССР: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны – страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели» [24].

Идеологема № 4: Октябрьская революция как модификация русского империализма

Тема «русской угрозы» в западном общественном дискурсе существует и воспроизводится столь же устойчиво, сколь длительно существует само российское государство. Создан и поддерживается пропагандистскими средства-

ми по сей день стереотип об имманентности «русского империализма». Применительно к средневековому периоду он выражается, в частности, в империалистическом парафразе эсхатологического учения о Москве как Третьем Риме [25]. Обвинения в замыслах установления мирового господства Российской империи связываются с фальсифицированным завещанием Петра Великого [26; 27, с. 77–89]. О петровских замыслах покорения мира писал, как известно, в числе прочих и К. Маркс, чью теорию коммунизма подняла на щит революция [28]. Доказательство преемственности русского империализма советскому этапу истории России служит представление в качестве империалистического проекта идеи мировой коммунистической революции [29; 30].

Октябрьская революция интерпретируется не только и не столько как революция национальная, сколько в качестве инициирования революции мировой [31; 32, с. 66–96]. А далее, следующим шагом мировая революция оказывается отождествляема с мировой империалистической экспансией. Российская революция превращается в революцию мировую, а она, в свою очередь, в российскую мировую экспансию. То, что в обвинениях в империализме имелась ввиду не коммунистическая идеология, а именно сама Россия, стало очевидно в условиях «новой холодной войны» современного периода истории. И «методики раскрытия» российских тайных кибератак позволяют понять, как «методически раскрывался» столетие назад «русский коммунистический заговор».

Безусловно, большевики верили в грядущую мировую революцию и желали ее наступления. Но они не являлись авторами самой идеи, составлявшей общую идею левого движения на Западе еще в XIX столетии. Идея мировой революции не была к тому же россиецентричной. Судя по выступлению Л.Д. Троцкого на Втором съезде Советов, речь в октябре 1917 г. могла идти о том, чтобы революционная Россия катализировала мировую революцию, но не о российском мировом доминировании. Эта революция мыслилась как антиимпериалистическая. «Надежду свою мы, – заявлял Л.Д. Троцкий, – возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу» [33, с. 272]. Необходимость мировой революции обосновывалось, таким образом, как ответ на давление международного империализма.

Существует также принципиальная разница между желанием революции и ее непосредственной организацией. Для ее организации в международном масштабе большевики должны были обладать немалыми ресурсами. Очевидно, что такими ресурсами большевики в 1917 г. не обладали. Ресурсов не хватало даже для того, чтобы удержаться у власти в России, не то что организовывать революцию. Другое дело, что революционная волна как следствие кризиса мировой системы действительно захлестнула мир. Помощь со стороны большевиков в отношении и германской, и венгерской революций ограни-

чивалась моральным сочувствием. Коммунистический Интернационал был учрежден только в марте 1919 г., то есть постфактум и революции, и интервенции со стороны Антанты. В значительной мере он был сформирован путем перехода на ленинские позиции части членов Второго Интернационала. Хронология в данном случае принципиально важна: вначале осуществляется революция в России, следующим шагом – страны Антанты организуют интервенцию и только уже после этого создается Коммунистический Интернационал, ставший таким образом, ответом на военное вмешательство Запада [34].

Вопрос о «коммунистической мировой революции» применительно к современному политическому контексту предстает как попытка «перевода стрелок», перенос обвинения с себя на другого. Мир сегодня сотрясает череда «цветных революций». Внешнее управление современным революционным процессом и его геополитическая выраженность очевидны. США, получается, имеют право делать то, что применительно к большевикам рассматривается в качестве заговора против человечества.

Идеологема № 5: Октябрьский переворот и нелегитимность советской власти

Очевидно, что любая революция незаконна с точки зрения действующего законодательства. В противном случае она не являлась бы революцией. Другой вопрос – легитимность революции. Если революция нелегальна (незаконна), но легитимна, то есть поддерживаема большинством населения, то установленный в результате ее режим может восприниматься в качестве политического выражения воли нации. В таком случае революция не противоречит национальному суверенитету. Если же революция отвергается большинством народа, то, соответственно, нелегитимным и противоречащим национальному суверенитету оказывается и устанавливаемый постреволюционный режим. В соответствии с этой логикой предпринимаются многочисленные попытки доказательства нелегитимности Октябрьской революции. Нелегитимность Октября означает и нелегитимность советской власти. Это, в свою очередь, делегитимизирует весь период советской истории.

Под эти пролонгируемые выводы подводится, очевидно, и дискуссия о том, что произошло в октябре 1917 г. – революция или переворот. Дискуссия сама по себе, казалось бы, лишена смысла. Революция как смена одной модели общества на другую включает в себя и элемент переворота – захвата политической власти. Революция и переворот не являются дихотомическими категориями. Противопоставить их друг другу, доказать, что имел место октябрьский переворот, потребовалось, очевидно, именно для проведения тезиса о нелегитимности большевистского режима [35].

Легальность власти была прервана еще в феврале 1917 г. Временное правительство не имело никаких правовых оснований для позиционирования в качестве высшей российской государственной власти. Еще 26 февраля 1917 г. Высочайшим указом была приостановлена деятельность Государственной Думы. В этих условиях на неофициальном, «частном» совещании ряда думских фракций лидер кадетов П.Н. Милюков выступил с инициативой учреждения Временного Комитета для обеспечения коммуникации с лицами и институтами. Временный Комитет Государственной Думы – законодательный орган был через несколько дней, как известно, превращен во Временное правительство – орган исполнительной власти. Прав выступить от имени всей Думы, в которой значительную компоненту составляло монархическое крыло, Комитет, сформированный на основе консенсуса прогрессистов и левых, не имел. «Частное совещание» было проведено без необходимого кворума и соблюдения установленных процедур¹ [36]. И далее все изменения в составе Временного правительства осуществлялись кулуарным путем, без каких-либо выборов. Большевики, таким образом, вступили в активную политическую борьбу с нелегальным политическим режимом. Степень его легальности, очевидно, для них и не составляла предмета рефлексии, но данная фиксация принципиальна важна применительно к последующим обвинениям в адрес Октябрьской революции как разрыву правовой традиции.

В доказательство нелегитимности Октябрьской революции ссылаются, как правило, на результаты выборов в Учредительное собрание² [37]. Но так ли уж, в действительности, делегитимизировали они новую власть? Выборы показали прежде всего провал либеральной идеологии. Кадеты получили на них всего 4,7% голосов. Совокупно с другими либеральными партиями – 7,5%. Это был полный провал феврализма, о котором, как правило, не говорят сторонники упущенной февралистской альтернативы.

Большинство голосов получили, как известно, эсеры – 40,4% голосов. Большевики заняли вторую строчку – 24%. К ним может быть приплюсован еще один процент, полученный левыми эсерами (в действительности больше, так как эсеры шли на выборы в основном единым списком). Но большевики со значительным преимуществом лидировали в губернских городах и военных гарнизонах (Таблицы 1, 2)³.

¹ Государственная Дума Российской империи 1906–1917: энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2008. С. 108–109.

² Академик Юрий Пивоваров: «У России было две мечты...». URL: <http://www.istpravda.ru/interview/1976> (Дата обращения 20.12.2016).

³ Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 550.

Таблица 1

**Распределение голосов на выборах
в Учредительное собрание по губернским городам
(в% ко всем принявшим участие в голосовании)***

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Петроград	45,3	16,7	26,3
Москва	50,1	8,5	35,9
Владимир	30,8	19,9	34,0
Иваново	64,3	12,8	15,6
Калуга	24,7	5,5	49,2
Рязань	25,8	15,3	43,2
Смоленск	40,8	16,1	28,6
Тверь	47,2	16,9	19,8
Тула	34,0	20,9	23,4
Ярославль	47,1	11,2	23,6
Н. Новгород	22,8	14,3	31,7
Кострома	43,6	10,3	22,4
Казань	26,1	21,0	24,8
Пенза	15,6	47,9	24,8
Самара	42,0	26,5	13,8
Саратов	37,7	14,5	19,9
Симбирск	19,5	36,0	21,2
Астрахань	27,5	12,4	25,8
Воронеж	11,9	12,2	58,1
Курск	26,0	17,4	45,1
Орел	27,6	16,5	28,7
Тамбов	28,2	16,6	26,8
Вятка	18,2	12,3	29,8
Оренбург	34,1	7,8	17,7
Пермь	27,0	22,6	28,9
Уфа	19,2	26,5	12,0
Екатеринбург	42,8	15,9	31,3
Барнаул	44,2	27,9	17,8
Красноярск	58,2	24,6	12,7
Иркутск	30,6	33,9	21,7
Томск	40,2	23,0	19,6
Чита	21,0	44,4	13,1
Владивосток	50,1	14,6	17,0
Архангельск	29,7	26,9	28,9
Вологда	23,3	29,2	37,5
Новгород	20,3	20,0	37,6
Псков	38,7	16,4	29,6
Киев	16,8	4,2	10,3

Окончание табл. 1

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Харьков	27,8	16,7	25,2
Екатеринослав	26,4	8,4	11,7
Житомир	10,3	4,9	14,9
Одесса	28,6	5,5	16,2
Кишинев	18,8	19,4	10,5
Минск	26,7	2,7	5,8
Витебск	34,8	8,9	6,9
Ревель	47,7	2,4	10,2
Тифлис	18,8	11,3	9,4
Ставрополь	47,6	13,5	23,6
Владикавказ	44,4	9,6	23,8
Баку	20,1	16,9	8,2
Ростов-на-Дону	37,5	11,1	20,0
Таганрог	41,7	19,4	13,0

* Table 1. Distribution of voices on elections to the Constituent assembly for the provincial cities (in% to all taken part in vote).

Таблица 2

**Распределение голосов на выборах
в Учредительное собрание по гарнизонам
(в% ко всем принявшим участие в голосовании)***

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Петроград	79,2	12,0	5,8
Москва	79,5	6,2	9,8
Калуга	72,5	9,1	13,3
Рязань	73,5	17,9	5,4
Смоленск	67,7	15,7	10,7
Тверь	68,4	21,9	6,0
Тула	71,6	18,0	8,2
Ярославль	82,4	10,9	3,1
Н. Новгород	66,9	20,9	6,6
Кострома	79,6	12,6	3,9
Казань	40,8	36,1	6,4
Пенза	15,5	47,5	25,5
Самара	54,8	19,6	3,3
Саратов	70,6	14,9	4,6
Симбирск	29,3	55,6	2,0
Астрахань	53,4	19,2	2,8

Окончание табл. 2

Гарнизон	За большевиков	За эсеров	За кадетов
Воронеж	56,3	23,9	11,1
Курск	58,2	30,5	7,5
Орел	61,0	27,2	6,3
Тамбов	68,2	19,8	4,5
Вятка	68,7	20,3	4,0
Оренбург	27,8	5,7	3,3
Пермь	53,7	29,0	4,0
Уфа	27,4	26,4	1,6
Екатеринбург	78,5	10,8	5,3
Барнаул	49,9	43,0	4,0
Красноярск	77,5	15,2	3,1
Иркутск	30,7	31,5	24,6
Томск	69,0	24,8	3,2
Чита	23,4	68,8	2,1
Архангельск	65,9	22,5	7,3
Вологда	42,1	47,4	8,3
Новгород	52,2	34,9	4,3
Псков	60,6	18,3	10,5
Харьков	53,4	35,9	5,1
Екатеринослав	19,5	15,7	3,3
Житомир	13,4	17,4	19,1
Одесса	44,9	10,7	9,1
Кишинев	40,3	40,7	5,9
Витебск	68,9	13,9	5,2
Ревель	60,5	34,3	-
Тифлис	45,2	26,6	6,1
Ставрополь	71,1	14,8	6,4

* Table 2. Distribution of voices on elections to the Constituent assembly on garrisons (in% to all taken part in vote)

Преимущественно большевистским электоратом являлись рабочие и солдаты. Крестьянство и население мелких городов поддерживало главным образом эсеров. Но большевики и не скрывали классового характера революции и то, что выражают позиции определенного класса. Власть в октябре 1917 г. была взята от имени Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Конституция РСФСР 1918 г. определяла новую власть не в качестве выразителя агрегированных интересов, а как диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. С этих позиций установленный Октябрьской революцией политический режим был вполне легитимен, будучи поддерживаемый той частью населения, от имени которого и высту-

пал. В Конституции СССР 1936 г. Советский Союз уже позиционировался как государство рабочих и крестьян. Конституция СССР 1977 г. давала характеристику советского государства в качестве общенародного. Эти изменения отражали реальный процесс эволюции системы легитимности советского государства.

Выводы. Вероятно, помимо перечисленных идеологем могут появиться и иные, укладывающиеся в общую матрицу советофобии, а шире – россиефобии. Причина нелюбви к советскому на современном Западе и в западнически ориентированных кругах части российской общественности состоит в том, что именно на период существования СССР пришелся апогей геополитической и экономической мощи нашего государства. Именно в советский период был осуществлен форсированный, небывалый в мировой истории прорыв, который вывел страну в технологические лидеры мира. Неудивительно, что со стороны геополитических противников предпринимались и будут, очевидно, предприниматься и далее попытки дезавуирования советского исторического опыта. Но при парадигмальном анализе за дезавуированием истории СССР обнаруживается более исторически развернутый пласт вражды в отношении российской цивилизации. Автор высказывания «Мы думали, что нас ненавидят, потому что мы красные, но выяснилось, что нас ненавидят, потому, что мы русские», неизвестен, но оно достаточно точно отражает суть произошедшего в последние годы прозрения. Интерпретация Октябрьской революции оказывается, равно так как и интерпретация Великой Отечественной войны, сегодня вопросом, находящимся в повестке национальной безопасности России.

© Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гордина Е.Д.* Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004.
- [2] Фальсификация исторических источников и конструирования этнократических мифов / Под ред. В.А. Шнирельмана, А.Е. Петрова. М.: ИА РАН, 2011.
- [3] *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999.
- [4] *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- [5] *Янов А.* Иваниана // Нева. 1992. № 7. С. 195–238
- [6] *Пайтс Р.* Русская революция. М.: «Захаров», 2005. Т. 1, 2.
- [7] *Пивоваров Ю.С.* Уроки Февраля. URL: <http://polit.ru/article/2012/02/24/fabruary/> (Дата обращения 20.12.2016)
- [8] *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. М., 1991. № 3. С. 131–199 .
- [9] *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.
- [10] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

- [11] *Телицын В.Л.* «Бесмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М.: РГГУ, 2002.
- [12] *Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина. 1917–1924. Архангельск, 2008.
- [13] *Дойков Ю.В.* Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы). Архангельск: Центр документации, 2011.
- [14] Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского. Лондон, 1992.
- [15] *Фельштинский Ю.Г.* Красный террор в годы гражданской войны. М., Книговек, 2013.
- [16] *Плешаков А.А., Новицкая М.Ю.* Окружающий мир. Рабочая тетрадь. 4 класс. Часть 2. М.: Просвещение, 2015.
- [17] Дневник П.А. Лурье // Юность. 1990. №10. С. 6–11.
- [18] *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995.
- [19] *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
- [20] *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему.
- [21] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- [22] *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005.
- [23] *Логонов В.Т.* Неизвестный Ленин. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.
- [24] *Воронцова Т.* В гостях у «старшего брата» // <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200300909> (Дата обращения 20.12.2016).
- [25] *Ульянов Н.И.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 43–52.
- [26] *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. Т. 2. М., 1946. С. 34–39.
- [27] *Козлов В.И.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996.
- [28] *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // http://aldebaran.ru/author/genrih_marks_karl/kniga_razoblacheniya_diplomaticheskoyi_istorii/ (Дата обращения 20.12.2016).
- [29] *Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.
- [30] *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.
- [31] *Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М.: Центрполиграф, 2008.
- [32] *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004.
- [33] *Соловьев О.Ф.* Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Эксмо, Яуза, 2004.
- [34] *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993.
- [35] Революция 1917-го в России как серия заговоров. М.: Алгоритм, 2017.
- [36] *Милюков П.Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 49–58.
- [37] *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – Июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Серия «Исследования новейшей русской истории» / под общей ред. А.И. Солженицына, ИМКА-Пресс. Париж. 1984.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 12 апреля 2017 г.

Об авторах:

Багдасарян Вардан Эрнестович – д.и.н., профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского Государственного областного университета; Почтовый адрес организации: 105005 Россия, Москва, ул. Радио, 10а.

Реснянский Сергей Иванович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов; Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

**CENTENARY OF 1917 RUSSIAN REVOLUTION
IN THE FOCUS OF ANTI-RUSSIAN HISTORICAL PROPAGANDA**

Vardan E. Bagdasaryan^a, Sergey I. Resnyansky^b

^aMoscowRegionState University,
Moscow, Russia, vardanb@mail.ru

^bPeopls' Friedship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia, s-r44@yandex.ru

The article analyzes the anti-Russian historical narrative focused on the 1917 events. The relevance of the theme is determined by the wide-ranging discussion on the Russian revolution due to its anniversary.

The authors solve the problem of the scientific criticism of the anti-Russian myths, focused on the assessments and interpretations of the two Russian revolutions of 1917.

In the article there are shown the ideological basis and political context of the coverage of the events of 1917. The authors analyze 5 historical ideologemes, which are disseminated in the public consciousness. They also show the cognitive and political implications of adopting the respective ideology.

As a typical liberal myth, the authors regard the interpretation of the October Revolution as “stolen freedom” provided by the February revolution. In the article there is shown that through the myth of “stolen freedom” the whole history of Russia is presented as a reproduction of the “totalitarian regime”. The authors prove the incorrectness of showing Bolsheviks as the initiators of the use of mass terror tactics, to which all major opposing forces resorted. There is considered the connection of the interpretation of the Revolution as the manifestation of the “Russian rebellion” with the Russophobic myth of the Russian barbarism. The authors criticize the idea of the Bolshevik imperialism, which is allegedly based on the ideology of world revolution. The article gives the deconstruction of the myth of the Bolshevik regime illegitimacy and shows the cognitive contradictions of the attempts to counter the concepts of “October Revolution” and “October Coup”. The authors reveal that the thesis of the Constituent

Assembly, as an illustration of the Bolshevik illegitimacy, doesn't correspond to the historical facts.

The authors conclude that the issues of covering the events of both the Revolution and the Great Patriotic War are linked to the national security of Russia.

Keywords: Revolution 1917, propaganda, methodology, anti-Russian myths, ideologies, history

REFERENCES

- [1] Gordina E.D. Gordina E.D. *Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogonek» 1987–1991 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk* [Problems of national history in the pages of the mass magazine “Ogonyok” 1987–1991.: PhD thesis]. N. Novgorod; 2004 (in Russian).
- [2] *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniya etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [3] Polosin V.S. *Mif. Religiya. Gosudarstvo* [Myth. Religion. State.] Moscow: Ladomir; 1999 (in Russian).
- [4] Paips R. *Russia Under the Old Regime*. Moscow: Zakharov; 2004 (in Russian).
- [5] Yanov A. Ivaniana. *Neva*. 1992; (7): 195–238 (in Russian).
- [6] Paips R. *The Russian Revolution*. Moscow: Zakharov, 2005 (in Russian).
- [7] Pivovarov YuS. *Uroki Fevralya* [February Lessons]. Available from: <http://polit.ru/article/2012/02/24/fabruary/> (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [8] Segal D. «*Sumerki svobody*»: o nekotorykh temakh russkoi ezhednevnoi pechati 1917–1918 gg. [«Twilight of Freedom»: About some themes of the Russian periodical press 1917–1918. The Past. Historical almanac]. 1991; (3): 131–199 (in Russian).
- [9] Eidel'man NYa. «*Revolutsiya sverkh*» v Rossii [Revolution from above in Russia]. Moscow: Kniga, 1989 (in Russian).
- [10] Vishnevskii AG. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [11] Telitsyn VL. «*Bessmyslennyi i besposhchadnyi*»?.. Fenomen krest'yanskogo buntarstva: 1917–1921 gg. [«Senseless and merciless»? The phenomenon of Russian rebelliousness: 1917–1921]. Moscow: RGGU; 2002 (in Russian).
- [12] Doikov YuV. *Krasnyi terror. Rossiya. Ukraina. 1917–1924* [Red terror. Russia. Ukraine. 1917–1924]. Arkhangel'sk; 2008 (in Russian).
- [13] Doikov YuV. *Pamyatnaya knizhka: Krasnyi terror v sovetskoi Arktike, 1920–1923: (dokumental'nye materialy)* [The memorial book: Red terror in Soviet Arctic, 1920–1923: (Documentary materials)]. Arkhangel'sk: Tsentr dokumentatsii, 2011 (in Russian).
- [14] Fel'shtinskii YuG, Chernyavskii GI. *Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voyny: Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii po rassledovaniyu zlodeyanii bol'shevikov* [Red terror during the Civil war: On the materials of a special commission to investigate the Bolshevik criminals]. London; 1992 (in Russian).
- [15] Fel'shtinskii YuG. *Krasnyi terror v gody grazhdanskoi voyny* [Red terror during the Civil war]. Moscow. Knigovok; 2013 (in Russian).

- [16] Pleshakov AA., Novitskaya MYu. *Okruzhayushchii mir. Rabochaya tetrad' . 4 klass* [Science. Workbook. 4 grade]. Moscow: Prosveshchenie; 2015 (2) (in Russian).
- [17] Dnevnik PA. Lur'e [P.A. Lurie's Diary]. *Yunost'*. 1990 (10): 6–11 (in Russian).
- [18] Nikolaevskii BI. *Tainye stranitsy istorii* [Secret pages of history]. Moscow; 1995 (in Russian).
- [19] Mezin SA. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I.* [European view: French authors of the 18th century about Peter the Great]. Saratov; 2003 (in Russian).
- [20] Akhiezer AS. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998; 1 (in Russian).
- [21] Buldakov VP. *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red time of troubles: sources and consequences of revolutionary terror]. Moscow: ROSSPEN; 1997 (in Russian).
- [22] Mel'gunov SP. *Kak bol'sheviki zakhvatili vlast'. «Zolotoi nemetskii klyuch» k bol'shevistskoi revolyutsii* [How the Bolsheviks seized the power. «Golden German key» to the Bolshevik Revolution]. Moscow: Airis-press; 2005 (in Russian).
- [23] Loginov VT. *Neizvestnyi Lenin* [Unknown Lenin]. Moscow: Eksmo, Algoritm; 2010 (in Russian).
- [24] Vorontsova T. *V gostyakh u «starshogo brata»* [Visiting the Big Brother]. Available from: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [25] Ul'yanov NI. *Kompleks Filofeya* [Philotheus's complex]. *Voprosy istorii* [Historical questions]. 1994; (4): 43–52 (in Russian).
- [26] Danilova EN. «Zaveshchaniye» Petra Velikogo [The Will of Peter the Great]. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Works of the Historical Archives Institute]. 1946; 2: 34–39 (in Russian).
- [27] Kozlov VI. *Tainy fal'sifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of falsification. Analysis of counterfeits of historical sources of the 18–19th centuries]. Moscow: Aspekt Press; 1996 (in Russian).
- [28] Marx K. *Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka* [Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century]. Available from: aldebaran.ru/author/genrih_marks_karl/kniga_razoblacheniya_diplomaticheskoyi_istorii/ (Date of access: 20 December 2016) (in Russian).
- [29] Bezanson A. *Intellektual'nye istoki leninizma* [Intellectual sources of Leninism]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [30] Bezanson A. *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [The Soviet present and the Russian past]. Moscow; 1998 (in Russian).
- [31] Makkenzi K. *Komintern i mirovaya revolyutsiya. 1919–1943* [The Comintern and World revolution. 1919–1943]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2008 (in Russian).
- [32] Khobsbaum E. *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991)* [The era of extremes: The short 20th century (1914–1991)]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; 2004 (in Russian).
- [33] Solov'ev OF. *Russkie masony. Ot Romanovykh do Berezovskogo* [Russian masons. From Romanovs to Berezovsky]. Moscow: Eksmo, Yauza; 2004 (in Russian).
- [34] Vatlin AYu. *Komintern: pervye desyat' let. Istoricheskie ocherki* [The Comintern: the first decade. Historical feature articles]. Moscow: Rossiya molodaya; 1993 (in Russian).

- [35] *Revolyutsiya 1917-go v Rossii. Kak seriya zagovorov* [Russian revolution in 1917. As a series of conspiracies]. Moscow: Algoritm; 2017 (in Russian).
- [36] Milyukov PN. *Voina i vtoraya revolyutsiya. Pyat' dnei revolyutsii (27 fevralya – 3 marta)* [The war and the second revolution. Five days of revolution (27 February – 3 March)]. *Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoi revolyutsii 1917 g.* [The country is dying today. Memories of the February Revolution 1917]. Moscow: Kniga; 1991: 49–58 (in Russian).
- [37] Fel'shtinskii YuG. *Bol'sheviki i levye esery. Oktyabr' 1917 – Iyul' 1918. Na puti k odno-partiinoi diktature* [Bolsheviks and left Socialists-Revolutionaries. October 1917 – July 1918. On the way to One-party dictatorship]. Paris: IMKA-Press; 1984 (in Russian).

Article history:

Received: 14 January 2017

Revised: 12 April 2017

Accepted: 12 april 2017

About the author:

Vardan E. Bagdasaryan, Dr. in history, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law at Moscow Region State University; Postal address of the organization: 10a Radio Str., Moscow, 105005, Russia.

Sergey I. Resnyansky, Dr. in history, Professor of the department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of organization: 6 Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.